

УДК 321.74+325.252+340+342.5

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЗЗРЕНИЙ Н.В. УСТРЯЛОВА НА СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

© 2016 г.

А.В. Довбыш

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток

Prisoner.of.law@gmail.com

Поступила в редакцию 05.05.2016

Исследуется оценка Советского государства представителем восточной ветви эмиграции «первой волны» Н.В. Устряловым. Дана периодизация его воззрений на советскую власть и определены особенности этих периодов. Делается вывод о детерминированности трансформации воззрений профессора Н.В. Устрялова на Советское государство его априорной приверженностью необходимости сильной государственной власти в России.

Ключевые слова: Н.В. Устрялов, большевизм, национал-большевизм, советское государство, восточная ветвь эмиграции, политический режим.

Представленная статья посвящена исследованию восприятия советского государства юристом, политическим деятелем и одним из основателей идеологии национал-большевизма Николаем Васильевичем Устряловым. Его взгляды на указанный вопрос претерпели существенные изменения, но сохранили неизменной основную идею о необходимости сильной идеократической государственной власти для России.

С точки зрения периодизации воззрений на советскую государственность профессора Н.В. Устрялова, по нашему мнению, следует выделять 5 этапов: 1) конституционно-демократический (1917–1918); 2) «белоармейский» (1918–1920); 3) «сменовеховский» (1921–1925); 4) национал-большевистский (1925–1934); 5) пробольшевистский (1934–1937) (периодизация предложена автором статьи). Основанием для выделения подобных периодов выступают конкретные обстоятельства жизни и творчества исследователя, обусловившие для каждого из них свои особенности в восприятии советской власти – от резкого неприятия и отторжения до восторженного принятия и восхваления.

Тема настоящего и будущего Советской России – одна из основных в научной и творческой деятельности исследователя. Она находит свое отражение в сборниках статей «В борьбе за Россию» (1920) [1], «Под знаком революции» [2] (1925), «Наше время» [3] (1934), а также ряде отдельных статей, таких как «Революция и война» [4], «Мнимый тупик» [5], «Политическая доктрина славянофильства» [6], «На новом этапе» [7] и других, последовательно раскрывающих отношение Н.В. Устрялова к России и СССР.

Необходимо отметить, что идеи приоритета национальной политики впервые проявились в

его творчестве еще до февральской революции 1917 года, в работах «К вопросу о русском империализме» [8] и «К вопросу о сущности «национализма»» [9]. В последней он высказывает свою точку зрения о «национальном эресе» – любви к Отечеству, к Родине, находящейся, по мнению Н.В. Устрялова, вне границ рационального познания и моральных требований [9, с. 50]. Концепт любви к Родине или патриотизма (в более поздних работах чаще употребляется второй термин) на протяжении всего творческого пути Н.В. Устрялова выделяется им как одна из духовных основ русской и советской государственности.

Первый этап в формировании оценки советской государственности профессором Н.В. Устряловым относится к 1917–1918 годам – времени его преподавания сначала в Московском университете, а затем в Калуге, где он также возглавлял Калужский губернский комитет партии кадетов [10, с. 136–137]. Это свидетельствует не только о наличии у него знаний о теоретических основах государственного строительства, но и о практическом опыте политической деятельности, что в дальнейшем повлияло на его мировоззрение.

Во время пребывания в конституционно-демократической партии для Н.В. Устрялова было характерно неприятие большевистской идеи всеобщего равенства, Октябрьской революции 1917 года и Брестского мира. В своей публикации «Уроки революции» он так оценивает ее последствия: «Во внутренней жизни неслыханное разложение, анархия, всеобщее озверение, полная неуверенность в завтрашнем дне... в международном отношении – беспрецедентное разрушение военной силы, уничитель-

ная капитуляция перед врагом, позорнейший мир... Крушение русской революции в мировом общественном мнении. Мировой провал русской демократии» [11].

Будучи представителем «правых» взглядов, несмотря на членство в партии кадетов, профессор Н.В. Устрялов видел необходимость в установлении диктатуры в будущей России. Образ диктатора, формируемый в революционной обстановке России, вызывал у ученого аналогию с событиями французской революции и «термидорианской трансформацией» [5, с. 85]. Данное обстоятельство, а также мнение ученого о вторичности права перед государственной идеологией, категориями этики и нравственности [12, с. 6–8] послужили причинами идеологического расхождения Н.В. Устрялова с конституционно-демократической партией.

Второй этап трансформации восприятия советской государственности профессора Н.В. Устрялова происходит во время его работы в Омской директории. Видевший поначалу в фигуре А.В. Колчака образ политического деятеля, могущего установить сильную власть в России, впоследствии ученый осознает неизбежность поражения А.В. Колчака, поскольку белое движение, сотрудничавшее с иностранными силами, утратило национально-освободительный характер, в то время как большевизм приобретал все больше сторонников среди населения России.

Так Н.В. Устрялов приходит к выводу о целесообразности компромисса с советской властью и к отказу от поддержки интервенции в Советской России. «Поймите, – обращался он к бывшим соратникам по белому делу, – ныне уже невозможна антибольшевистская интервенция. Всякая интервенция будет ныне – антирусской» [1, с. 97]. В этот момент профессор Н.В. Устрялов встает на позицию признания советской власти единственной силой, способной сохранить российскую государственность.

В 1920 году Н.В. Устрялов переезжает в Харбин и на третьем, «сменовеховском» этапе своего творчества признает власть большевиков в России. Подтверждается это, например, тем, что в 1925 году он (наряду с некоторыми другими преподавателями юридического факультета Харбинского университета) принимает советское гражданство [13, р. 321]. Кроме того, в его произведениях, написанных в период с 1921 по 1925 год, неоднократно подчеркивается роль большевиков в объединении разрозненных территорий бывшей Российской империи и дается их характеристика как силы, способствовавшей сохранению российской государственности.

В своих работах Н.В. Устрялов неоднократно воспроизводит идею о трансформации «диктату-

ры пролетариата» в большевистское советское государство, которое представляется ему единственной возможностью «...восстановить былое русское великодержавие...» и поддержать международный престиж России [14, с. 37]. Следует согласиться с В.П. Пономаревой, которая подчеркивает, что ученый лояльно относился к государственной форме Советской России и считал управление ею на основе сильной диктаторской власти адекватным социально-экономическим реалиям 1920-х – 1930-х годов [15, с. 267].

Тем не менее, несмотря на некоторую абстрактность теоретических конструкций (ученый не подразделял государственную форму на конкретные, ныне традиционные элементы, такие как форма правления, политический режим и форма государственного устройства¹), Н.В. Устрялов никогда не отрицал практического аспекта своей системы взглядов на Советское государство. Так, в письме к одному из представителей евразийства П.П. Сувчинскому, он отмечает: «Вы куете большую идеологию... Мне пришлось проделать иной путь. С первых же дней революции, попав в самую гущу практической политики, я заботился, прежде всего, о средствах политической борьбы...» [17, с. 73–74]. Необходимо заметить, что подобный практический подход к пониманию Советской России не мог не остаться без критики со стороны евразийцев и других представителей эмиграции первой волны².

Несмотря на то что современники и последующие исследователи творчества Н.В. Устрялова относят его к представителям «сменовеховства», сам он не воспринимал себя частью данного движения. Так, в письме публицисту и общественному деятелю Н.А. Цурикову Н.В. Устрялов, стремясь откритиковаться от направления «сменовеховства», писал: «Должен признаться, я попал, помимо своей воли, одно время в дурное окружение. Разумею «сменовеховцев», с течением коих моя «линия» на короткое время механически совпала. Ярлык был приклеен... и только уже потом удалось... зафиксировать, что нужно *distinguer*³» [10, с. 139].

Сам Н.В. Устрялов под «сменовеховством» понимал просто принятие большевизма, отказ от борьбы с ним и понимание необходимости компромисса. Отдавая приоритет национальной идее российской государственности перед большевизмом как формой ее реализации, профессор Н.В. Устрялов упрекал «сменовеховцев» в утрате идеологической самостоятельности и итоговом растворении в большевизме [20].

Выходом в свет сборника «Под знаком революции» в 1925 году ознаменовывается начало

четвертого этапа трансформации восприятия советской государственности, связанного с окончательным оформлением концепции «национал-большевизма»⁴, которая представляется профессору Н.В. Устрялову основанной на следующих постулатах. Первый из них – утверждение одновременно национальной и интернациональной направленности Октябрьской революции. Существование таких, с одной стороны, противоположных суждений, объясняется им тем, что интернациональное революционное движение «захлебнулось», добившись успеха лишь на территории бывшей Российской империи, поэтому с середины 20-х годов и далее имеет смысл говорить именно о национальных итогах революции, о ее роли и последствиях для русской нации (которая понималась Н.В. Устряловым весьма обширно и по сути не подразумевала разделения по этническим признакам на различные народности).

Второй постулат – большевизм как идеологический фундамент построения новой советской государственности. Поскольку именно большевики смогли уберечь Россию от расчленения, профессор Н.В. Устрялов отводит большевизму роль объединяющего фактора для Советской России и с ним связывает ее последующие экономические успехи.

Третий постулат – построение сильного, идеократического государства. Характеризуя причины поражения февральской революции и смену её режимом большевиков, Н.В. Устрялов отмечает, что отсутствие централизованного и сильного государственного управления явилось основной причиной падения Временного правительства, в то время как централизованная власть (фактически являвшаяся диктатурой) большевиков смогла добиться успеха по причине тяготения русского народа «к сильной руке».

Четвертый постулат – отказ от западноевропейских моделей государственной формы при построении советской государственности. Будучи противником парламентской республики и элементов западноевропейской демократии, профессор Н.В. Устрялов видел развитие советской государственности по собственному пути, имевшему больше общего с Российской империей, нежели чем с западноевропейскими государствами.

Последний из постулатов дает право назвать учение Н.В. Устрялова консервативным, что подтверждается также выводами других ученых [21, с. 6; 22, с. 18]. Некоторые исследователи (например, М.В. Агурский) проводят аналогии между национал-большевизмом и славянофильством, также утверждавшим необходимость поиска для России своего исторического пути

развития и следования ему [23, с. 39]. Соглашаясь с тем, что в обеих концепциях есть общие элементы, нельзя не отметить принципиальное различие. Национал-большевизм отрицает религиозно-нравственные основы построения государственности и идею самодержавности, заменяя их идеологическими основами большевизма и «диктатурой пролетариата» либо сильной государственной властью большевиков.

Несмотря на общую стройность концепции национал-большевизма, следует отметить и существовавшие в ней явные противоречия. Помимо уже упомянутого заявления о национальном и интернациональном характере Октябрьской революции, противоречие проявляется в экономической модели национал-большевизма. С одной стороны Н.В. Устрялов высказывается за необходимость внедрения частного предпринимательства в советскую экономику (также характеризовавшуюся им как «спуск на тормозах»); с другой, во время НЭПа он предостерегал советскую власть от перехода к модели западноевропейского капитализма конца XIX века [24, с. 124].

Не обойден вниманием ученого и вопрос советской национальной политики, в которой он выделяет следующие тенденции: создание новых наций («из коих некоторые подчас даже кажутся призрачными, искусственно оживляемыми») и признание их права на государственное отделение; их идеологическое подчинение общесоветской культуре; признание права народов СССР на культурно-национальное самоопределение и равноправие. Подобные отчасти разнонаправленные тенденции представляются Н.В. Устрялову адекватными факторам, сопровождающим существование СССР: «требования экономики и политики, русские исторические традиции... интересы внешней защиты государства» – и определяющими необходимость крепкого государственного централизма в Советском государстве [25, с. 21–22].

Профессор Н.В. Устрялов являлся приверженцем унитарной модели формы государственного устройства. Национально-территориальное устройство федеративного типа в СССР, естественно, противоречило его идеалу. Однако идеолог национал-большевизма считал такое положение временным, полагая, что «мелкобуржуазный» принцип самоопределения наций большевики в будущем пересмотрят. На это, по его мнению, указывала как сама логика центростремительного развития, так и противоречащие положению о национальных суверенитетах лозунги «всемирной пролетарской революции» и «диктатуры пролетариата» [26, с. 25].

Указанные выше основы национал-большевизма дают основания говорить о схожести данной концепции с такими течениями, как национал-социализм и фашизм⁵. Все вышеперечисленные концепции опирались на два ключевых элемента – национальный интерес и этатизм. Вопросом разграничения данных концепций занимался и сам профессор Н.В. Устрялов⁶, устанавливая общее в их идеократическом характере и в том, что они пришли на замену испытывающей кризис модели западной демократии. В то же время им обнаруживаются следующие ключевые отличия большевизма от двух других политических течений: во-первых, большевизм имеет ярко выраженные интернационалистические цель и характер, в то время как фашизм и национал-социализм устремлены строго национально; во-вторых, большевизм, по мнению Н.В. Устрялова, отрицает «формальную демократию» (например, европейский парламентаризм, сковывающий права и интересы народного большинства волей правящего меньшинства), однако является преемником «реальной демократии», в то время как и национал-социализм, и фашизм отрицают приемлемость как «формальной», так и «реальной демократии» при организации государственной власти [3, с. 770–771].

Логичным представляется вопрос о том, в какой степени демократическим устремлениям большевизма соответствуют недемократические методы установления и удержания власти большевиками (разгон Учредительного собрания, лишение отдельных категорий граждан политических и иных прав, продрозверстка, «сталинские репрессии» и т.д.). Отвечая на него, профессор Н.В. Устрялов фактически воспроизводит тезис В.И. Ленина о необходимости подавления буржуазии для передачи власти советскому пролетариату. Но если данный тезис обосновывает применение недемократических методов в первые годы установления советской власти, то едва ли его же можно распространить на время репрессий второй половины 1930-х годов, когда советская власть в России насчитывала уже второй десяток лет.

На рубеже 1933–1934 годов Н.В. Устрялов признает, что правительственный курс идет всецело в национал-большевистском русле, а значение революции следует рассматривать помимо прочего еще в «социальном и всемирно-историческом» аспекте [7, с. 735], тем самым выходя за рамки ранее высказанной им идеи рационального восприятия большевизма вместе с поиском существующих в нем проблем. Это открывает пятый, заключительный этап творчества профессора Н.В. Устрялова, для которого

характерно всемерное одобрение большевизма. Некоторые исследователи считают, что именно в этот период произошла «большевизация» его сознания, а сам национал-большевизм перестал быть самостоятельным идейно-политическим явлением [30, с. 114; 31, с. 33; 32, с. 20]. Справедливым следует считать замечание С.М. Сергеева о том, что на этом этапе Н.В. Устрялов не отказался от своей концепции [33, с. 43]. По мнению А.В. Козлова, с этого момента начинается новый этап эволюции национал-большевизма. Причиной идейного поворота явился, с одной стороны – успех политики генеральной линии партии, с другой – соответствие во многом самой политики советского правительства национал-большевистским взглядам Н.В. Устрялова [24, с. 125].

В более поздних работах Н.В. Устрялова также находит отражение идея патриотического восприятия советской власти, которую он предлагает распространить на всю восточную ветвь эмиграции: «Пора начаться новому повороту сознания. И поворот этот нуждается... в новом “документе”... Нечто вроде новой “Смены вех”, новый боевой сборник... содержащий два лейтмотива: 1) утверждение советского патриотизма, принятие СССР как родины; 2) попытку самостоятельно осмыслить идеологию близкого будущего, советской идеи, “нового синтеза”, мировых перспектив. ...Это именно должен быть поворот к СССР, а не топтание на месте всех этих “Третьих России”» [13, р. 331].

Начиная с 1933 года в своих произведениях профессор Н.В. Устрялов активно восхваляет И.В. Сталина и отказывается от любой критики советской государственности. Например, он так отзывался о политическом режиме Советского государства в работе «Самопознание социализма»: «Советская демократия есть новое, небывалое еще явление всемирной истории... потому, что она есть демократия реальная в отличие от формальной демократии... потому, что она есть демократия социалистическая, а не капиталистическая» [34, с. 825]. Нельзя достоверно сказать, была ли данная восторженность обусловлена личными целями Н.В. Устрялова по обеспечению собственной безопасности после переезда в СССР или соответствовала его личному восприятию советской государственности в этот период⁷. Однако неоспорим тот факт, что всемерная поддержка внутренней и внешней политики Советского Союза соответствовала его тезису о необходимости сильной государственной власти для России, сформулированному еще в дореволюционный период.

Принятие и восторженное отношение к советской власти после возвращения в СССР не

уберегло профессора Н.В. Устрялова от репрессий. 15 сентября 1937 года на закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР за пособничество контрреволюционной буржуазии и участие в контрреволюционной организации Н.В. Устрялова приговорили к расстрелу и в тот же день приговор привели в исполнение [37, с. 97].

Таким образом, идея сильной государственной власти как единственно возможной для России, являвшаяся фундаментальной основой его восприятия и оценки российской государственности, определила творческий путь Н.В. Устрялова. Он представляет собой постепенную трансформацию его взглядов от идеи конституционной демократии с неприятием большевизма к идее преобразования большевистского строя в связи с изменяющимися историческими и политическими реалиями («сменовеховство»), а затем к идее национал-большевизма с последовавшим за этим полным признанием советской власти. Именно в большевизме профессор Н.В. Устрялов обнаружил образ той самой желанной для России сильной государственной власти. Поэтому изменение его политической ориентации из «правой» (этапа конституционной демократии и работы в Директории А.В. Колчака) в «левую» является не случайностью, а закономерным итогом оправдания большевистской властью надежд ученого на сохранение России.

Примечания

1. Впрочем, подобное отсутствие разграничения элементов формы государства было характерно для работ российских юристов дореволюционного периода, в которых употреблялись такие термины, как «форма государства», «вид государственного устройства» и т.д., включавшие в себя совокупность характерных для современной теории государства элементов формы государства [16, с. 260–274].

2. Так, Н.С. Трубецкой в письме к П.П. Сувчинскому обвиняет Н.В. Устрялова и в целом «сменовеховцев» в «...цинично-развязном оправдании оппортунизма и беспринципности...», призывая не заключать «с вехистами... никаких блоков» [18, с. 775–776]. А П.А. Сорокин видел в «Смене вех» определенный «социальный симптом», характеризующийся неумением «сменовеховцев» и интеллигенции в целом работать в отрыве от государственной власти, обязательным сопоставлением с ней или противопоставлением ей. Также он отмечал, что этот сборник едва ли найдет отклик в тех слоях общества, чья деятельность напрямую не связана с государственной властью, а следовательно, «практическая роль сборника будет небольшой: коромысло весов истории России мало покачнется от того, куда поместит себя эта группа: на чашку ли правительства или на другую» [19, с. 406].

3. Фр. – отличаться.

4. Впервые термин «национал-большевизм» был применен Эрнстом Никишем, создателем Независимой социал-демократической партии Германии, для характеристики революционно-консервативной оппозиции власти Веймарской республики. Первым упоминанием национал-большевизма в работах Н.В. Устрялова является название статьи «Национал-большевизм (Ответ П.Б. Струве)», впервые опубликованной в газете «Новости жизни» 18 сентября 1921 года, хотя сам профессор Н.В. Устрялов отмечает, что начало национал-большевизму было положено статьей «Перелом», опубликованной в газете «Вестник Манчжурии» 1 февраля 1920 года.

5. Проблематикой сравнения большевизма, национал-социализма и фашизма занимались как современники Н.В. Устрялова (такие как П.Б. Струве и Ф.А. Степун), так и исследователи нашего времени [27–29].

6. Стоит отметить, что профессор Н.В. Устрялов различал фашизм и национал-социализм, причем более высокую оценку давал фашизму, признавая за этим течением и его лидером Бенито Муссолини определенные экономические успехи Италии, при этом считая национал-социализм более грубой и жесткой версией фашизма, наполненной идеями «площадного биологизма», «господства и порабощения» [3, с. 750–751].

7. Тезис о добровольном желании Н.В. Устрялова вернуться в СССР косвенно подтверждается воспоминаниями Е.Н. Берковской, дочери Н.А. Сетницкого – коллеги профессора Н.В. Устрялова по работе в КВЖД, утверждающей, что они желали вернуться на Родину, осознавая вероятность репрессий в их отношении, а также тем, что личные сбережения Н.В. Устрялова позволяли ему эмигрировать в любую другую страну [35, с. 110; 36, с. 130–131].

Список литературы

1. В борьбе за Россию // Николай Васильевич Устрялов. Избранные труды [сост., авторы коммент. В.Э. Багдасарян, М.В. Дворковая, автор вступ. ст. В.Э. Багдасарян]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 87–155.
2. Под знаком революции // Николай Васильевич Устрялов. Избранные труды... С. 197–673.
3. Наше время // Николай Васильевич Устрялов. Избранные труды... С. 739–824.
4. Революция и война // Николай Васильевич Устрялов. Избранные труды... С. 52–69.
5. Мнимый тупик // Николай Васильевич Устрялов. Избранные труды... С. 83–86.
6. Политическая доктрина славянофильства // Николай Васильевич Устрялов. Избранные труды... С. 156–196.
7. На новом этапе // Николай Васильевич Устрялов. Избранные труды... С. 694–738.
8. К вопросу о русском империализме // Николай Васильевич Устрялов. Избранные труды... С. 35–44.
9. К вопросу о сущности «национализма» // Николай Васильевич Устрялов. Избранные труды... С. 45–51.

10. Воробьев О.А. «В Сталина нужно стрелять»: Переписка Н.В. Устрялова и Н.А. Цурикова 1926–1927 гг. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 136–143.

11. Устрялов Н.В. Уроки революции // Утро России. 1918. № 37.

12. Устрялов Н.В. Фрагменты (О разуме права и праве истории) // Смена вех. 1921. № 1. С. 6–8.

13. Rusnak Svetlana. Н.В. Устрялов и евразийцы / Svetlana Rusnak. In: Revue des

études slaves, Tome 73, fascicule 2–3, 2001. P. 317–335.

14. Устрялов Н.В. Россия. У окна вагона. Харбин, 1926. 53 с.

15. Пономарева В.П. Государственно-правовые взгляды Н.В. Устрялова как представителя Харбинской школы права // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 261–267.

16. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. 805 с.

17. Н.В. Устрялов – П. П. Сувчинскому (1926) // Элементы. 1996–1997. № 8. С. 73–75.

18. Живов В.М. Н.С. Трубецкой. История, культура, язык. М.: Прогресс-Универс, 1995. 798 с.

19. «Смена вех» как социальный симптом // П.А. Сорокин. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 402–407.

20. Н.В. Устрялов. Сменовехизм [Электронный ресурс] // Библиотека политолога. Режим доступа: http://www.politology.vuzlib.su/book_o202_page_100.html (дата обращения: 10.03.2016).

21. Романовский В.К. Николай Васильевич Устрялов: деятельность и эволюция идейно-политических воззрений (1890–1937 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Н. Новгород, 2007. 51 с.

22. Булычева М.В. Политическая концепция государства в теоретическом наследии Н.В. Устрялова: Автореф. дис. ... канд. полит. Саратов, 2007. 19 с.

23. Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-press, 1980. 322 с.

24. Козлов А.В. Концепция национал-большевизма Н.В. Устрялова // Преподаватель XXI века. 2008. № 2. С. 123–127.

25. Устрялов Н.В. Элементы государства // Вестник Китайского права. Вып. 2. 1931. С. 1–26.

References

1. V bor'be za Rossiyu // Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Izbrannye trudy [sost., avtory komment. V.Eh. Bagdasaryan, M.V. Dvorkovaya, avtor vstup. st. V.Eh. Bagdasaryan]. M.: ROSSPEhN, 2010. S. 87–155.

2. Pod znakom revolyucii // Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Izbrannye trudy... S. 197–673.

3. Nashe vremya // Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Izbrannye trudy... S. 739–824.

4. Revolyuciya i vojna // Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Izbrannye trudy... S. 52–69.

26. Николай Васильевич Устрялов. Избранные труды [сост., авторы коммент. В.Э. Багдасарян, М.В. Дворковая, автор вступ. ст. В.Э. Багдасарян]. М.: РОССПЭН, 2010. 888 с.

27. Кантор В.К. Ф.А. Степун – анализ больше-

TRANSFORMATION OF N.V. USTRYALOV'S VIEWS REGARDING THE SOVIET STATE

A.V. Dovbysh

The article examines the views of N.V. Ustryalov, a representative of the «first wave» of the Eastern branch of Russian emigration, regarding the Soviet state. An attempt is made to periodize his ideas and to identify their peculiarities during different periods. The author comes to the conclusion that the transformation of N.V. Ustryalov's views on the Soviet state was determined by his conviction that Russia needed a strong political power.

Keywords: N.V. Ustryalov, Bolshevism, National Bolshevism, Soviet state, Eastern branch of emigration, political regime.

визма и национал-социализма (с приложением двух писем Степуна Н.А. Бердяеву) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 156–170.

28. Головин Я.Б. П.Б. Струве о немецком национал-социализме // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 4. С. 121–130.

29. Мороз Е.В. Право и власть в тоталитарном государстве (на примере анализа политико-правовых доктрин большевизма и национал-социализма) // Право и образование. 2009. № 9. С. 129–142.

30. Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота (1917–1928). Будапешт, 1997. 251 с.

31. Воробьев О.А. Трагедия перерождения. Николай Устрялов и «Смена вех» // Посев. Общественно-политический журнал. 1999. № 11. С. 26–35.

32. Лысенко Е.А. История идеологии национал-большевизма Н.В. Устрялова (1900-е гг. – 1925 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 21 с.

33. Сергеев С.М. Страстотерпец великодержавия // Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003. 367 с.

34. Самопознание социализма // Николай Васильевич Устрялов. Избранные труды... С. 825–834.

35. Берковская Е.Н. Судьбы скрещенья: Воспоминания. М.: Возвращение, 2008. 720 с.

36. Кротова М.В., Окружение Н.В. Устрялова в Харбине // Клио. 2014. № 9 (93). С. 128–131.

37. Сонин В.В. Политический портрет профессора Н.В. Устрялова, репрессированного в СССР (1937 г.) // Политические репрессии на Дальнем Востоке (1920–1950 гг.): Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1997. С. 94–98.

5. Mnimyj tupik // Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Izbrannye trudy... S. 83–86.

6. Politicheskaya doktrina slavyanofil'stva // Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Izbrannye trudy... S. 156–196.

7. Na novom ehtape // Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Izbrannye trudy... S. 694–738.

8. K voprosu o russkom imperializme // Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Izbrannye trudy... S. 35–44.

9. K voprosu o sushchnosti «nacionalizma» // Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Izbrannye trudy... S. 45–51.

10. Vorob'ev O.A. «V Stalina nuzhno strelyat'»:

- Perepiska N.V. Ustryalova i N.A. Curikova 1926–1927 gg. // *Voprosy istorii*. 2000. № 2. S. 136–143.
11. Ustryalov N.V. Uroki revolyucii // *Utro Rossii*. 1918. № 37.
12. Ustryalov N.V. Fragmenty (O razume prava i prave istorii) // *Smena vekh*. 1921. № 1. S. 6–8.
13. Rusnak Svetlana. H.V. Ustryalov i evrazijcy / Svetlana Rusnak. In: *Revue des études slaves*, Tome 73, fascicule 2–3, 2001. R. 317–335.
14. Ustryalov N.V. Rossiya. U okna vagona. Harbin, 1926. 53 s.
15. Ponomareva V.P. Gosudarstvenno-pravovye vzglyady N.V. Ustryalova kak predstavatelya Harbinskoj shkoly prava // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 2. S. 261–267.
16. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava*. M., 1911. 805 s.
17. N.V. Ustryalov – P. P. Suvchinskomu (1926) // *Ehlementy*. 1996–1997. № 8. S. 73–75.
18. Zhivov V.M. N.S. *Trubeckoj. Istoriya, kul'tura, yazyk*. M.: Progress-Univers, 1995. 798 s.
19. «Smena vekh» kak social'nyj simptom // P.A. Sorokin. *Obshchedostupnyj uchebnik sociologii. Stat'i raznyh let*. M.: Nauka, 1994. S. 402–407.
20. N.V. Ustryalov. *Smenovekhizm* [Ehlektronnyj resurs] // *Biblioteka politologa*. Rezhim dostupa: http://www.politology.vuzlib.su/book_o202_page_100.html (data obrashcheniya: 10.03.2016).
21. Romanovskij V.K. Nikolaj Vasil'evich Ustryalov: deyatel'nost' i ehvolyuciya idejno-politicheskikh vozzrenij (1890–1937 gg.): Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. N. Novgorod, 2007. 51 s.
22. Bulycheva M.V. *Politicheskaya koncepciya gosudarstva v teoreticheskom nasledii N.V. Ustryalova*: Avtoref. dis. ... kand. polit. Saratov, 2007. 19 s.
23. Agurskij M.S. *Ideologiya nacional-bol'shevizma*. Paris: YMCA-press, 1980. 322 s.
24. Kozlov A.V. *Koncepciya nacional-bol'shevizma N.V. Ustryalova // Prepodavatel' XXI veka*. 2008. № 2. S. 123–127.
25. Ustryalov N.V. *Ehlementy gosudarstva // Vestnik Kitajskogo prava*. Vyp. 2. 1931. S. 1–26.
26. Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. *Izbrannye trudy* [sost., avtory komment. V.Eh. Bagdasaryan, M.V. Dvorkovaya, avtor vstup. st. V.Eh. Bagdasaryan]. M.: ROSSPEhN, 2010. 888 s.
27. Kantor V.K. F.A. Stepun – analiz bol'she-vizma i nacional-socializma (s prilozheniem dvuh pisem Stepuna N.A. Berdyaevu) // *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii*. 2009. T. 10. Vyp. 4. S. 156–170.
28. Golovin Ya.B. P.B. *Struve o nemeckom nacional-socializme // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii*. 2012. T. 13. Vyp. 4. S. 121–130.
29. Moroz E.V. *Pravo i vlast' v totalitarnom gosudarstve (na primere analiza politiko-pravovyh doktrin bol'shevizma i nacional-socializma) // Pravo i obrazovanie*. 2009. № 9. S. 129–142.
30. Kraus T. *Sovetskij termidor. Duhovnye predpopylki stalinskogo povorota (1917–1928)*. Budapesht, 1997. 251 s.
31. Vorob'ev O.A. *Tragediya pererozhdeniya. Nikolaj Ustryalov i «Smena vekh» // Posev. Obshchestvenno-politicheskij zhurnal*. 1999. № 11. S. 26–35.
32. Lysenko E.A. *Istoriya ideologii nacional-bol'shevizma N.V. Ustryalova (1900-e gg. – 1925 g.)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2007. 21 s.
33. Sergeev S.M. *Strastoterpec velikoderzhaviya // Ustryalov N.V. Nacional-bol'shevizm*. M., 2003. 367 s.
34. *Samopoznanie socializma // Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Izbrannye trudy...* S. 825–834.
35. Berkovskaya E.N. *Sud'by skreshchen'ya: Vospominaniya*. M.: Vozvrashchenie, 2008. 720 s.
36. Krotova M.V., *Okruzhenie N.V. Ustryalova v Harbine // Klio*. 2014. № 9 (93). S. 128–131.
37. Sonin V.V. *Politicheskij portret professora N.V. Ustryalova, repressirovannogo v SSSR (1937 g.) // Politicheskie repressii na Dal'nem Vostoke (1920–1950 gg.)*: Materialy pervoj Dal'nevostochnoj nauchno-prakticheskoj kon-

ferencii. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta, 1997. S. 94–98.